

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА «ХРОНИКИ» ИОАННА МАЛАЛЫ

М. П. САМОЙЛОВА

*Нижегородский
государственный
лингвистический
университет
им. Н.А. Добролюбова*

e-mail: marisom@yandex.ru

«Хроника» Иоанна Малалы исследуется как источник сведений древнерусских книжников об античной культуре. Диалог Иоанна Малалы с античной культурой вырастает на почве двоеверия. На Руси, как и в Византии, в связи с распространением христианства этот диалог осуществляется в условиях смены мировоззрений.

Ключевые слова: Иоанн Малала, хроника, античность, древнерусская книжность.

Проблема влияния античной культуры на русскую активно исследуется в последние годы отечественными историками, культурологами, т.к. имеет непосредственное отношение к вопросу о европейской идентичности современной России. Большинство исследователей находит начало влияния античной культуры на русскую в глубокой древности, в истории Киевской Руси. Рецепция античного наследия древнерусской культурой тесно была связана с принятием христианства.

Можно проследить две тенденции в отношении к античному наследию культуры и общественном сознании Киевской Руси. Одна исходит из нигилистического отрицания чуждых христианству произведений античных мыслителей. Другая отражала более гибкую позицию по отношению к античной культуре. Она не исключала хотя и ограниченного, но все же конструктивного использования античного наследия. Популярность древнегреческих мыслителей у русских книжников позволяет предположить преобладание второй из названных выше тенденций.

Самым любопытным в этом отношении памятником является «Всемирная хроника» антиохийского писателя-историка Иоанна Малалы (491-578 гг.). Это произведение ранневизантийской хронографии исследователи справедливо окрестили «самым античным», испытавшим на себе «обаяние языческой культуры» и сохранившим поэтому «родимые пятна античности»¹. «Хроника» Малалы является «самым информативным» в древнерусской переводной письменности сочинением, содержание которого «отзывалось языческим временем».

«Хроника» стала известна русским читателям в XII веке². Полный список «Хроники» до нас не дошел. Текст ее восстанавливался на основании разрозненных фрагментов, включенных в разное время и в разном объеме в состав древнерусских летописных сводов. Кропотливая работа по выявлению этих частей была проделана еще в конце XIX в. В.М. Истриным. Итоги работ В.М. Истрина были опубликованы в разных изданиях, поэтому состав славянского перевода оказался раздробленным³.

¹ Удальцова З.В. «Хроника» Иоанна Малалы в Киевской Руси // Археографический ежегодник. 1965. С.47.

² Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии (IV – первая половина VII в.). М., 1984. С. 15.

³ Истрин В.М. Первая книга «Хроники» Иоанна Малалы. Кн. 1 // Записки Имп. АН. 1897. Т.1. С. 1-29; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 2 // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Т.7. С. 437-486; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 4 // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1905. Т.8. С. 342-367; Истрин В.М. Пятая книга «Хроники» Иоанна Малалы // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1910. Т.9. С. 1-15; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 6,7 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1912. Т.89. №3; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 8,9 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1913. Т.89. №7; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 11-14 //

Знакомство с «Хроникой» отразилось в «Повести временных лет», в содержании «Палеи Хронографической». Обширные выдержки из Малалы входили в «Хронограф по Великому изложению», а также в несохранившийся «Хронограф» сер. XIII в., представления о котором дают восходящие к нему Виленский и Архивский «Хронографы», воспроизводящие 1, 2, 4-10 книги Малалы. Заимствованные у Иоанна Малалы сведения были положены в основу вводной части «Летописца Еллинского», отсутствующие в других хронографических компиляциях⁴.

Малала отличается от всех других известных Древней Руси христианских писателей, которые вели повествование в сугубо обличительном ключе, в значительной мере подменяя факты общими рассуждениями и обвинениями в адрес античности. Сочинения Иоанна Малалы отличает сдержанность в оценках и большая информативность. Христианство в «Хронике» не противопоставляется античному язычеству так резко, как у других христианских авторов, он строит свою историю «на античной основе», широко привлекая труды предшествующих историков. Описание христианских чудес уживается в «Хронике» с сюжетами древних мифов, благодаря которым в текст вносится элемент сказочности, заметно оживляющий повествование и придающий всему произведению обаяние дохристианской культуры, которое «еще не утратило власти над христианской душой»⁵.

Конечно, античный пласт в передаче хрониста уже значительно переосмыслен, перетолкован, а местами даже испорчен. Религиозные пристрастия автора сказались на редактировании исходного материала античности, но и в отредактированном автором «Хроники» виде он не вызывает у читателя ни чувства вражды, ни чувства неприязни к языческому прошлому. Более того, яркие представители древнегреческой культуры иногда представлялись оракулами христианских истин, своим авторитетом как бы подкрепляя положения исповедуемой Малалой религии.

Об отношении Малалы к античности можно судить по тем сведениям о ней, которые содержатся в «Хронике». В «Хронике» Малалы присутствует краткое перечисление имен древнегреческих мыслителей. Кроме этого Малала излагает воззрения античных авторов без указания, какому мыслителю они принадлежат, но имена этих мыслителей вполне узнаваемы с содержательной стороны. Иногда Малала излагает взгляды античных авторов, содержание которых не соответствуют названному им мыслителю.

Малала не раз приводит в своем труде списки имен, где называются обычно в одном ряду разные представители античной культуры: философы, ораторы, поэты, драматурги и историки. Например, в VI книге к годам правления Македонских царей Карапауса и Филиппа (Филипп II, царь Македонии в 356-336 гг. до н.э., отец Александра Македонского, покоритель Греции) приурочена целая плеяда классиков греческой литературы, среди которых упоминаются Гераклит, Сократ и Пифагор: «бяху же тогда в еллинех сущи философи и творци: Съяфиклис (вариант 'Сификлис') и Ираклитос, и Еурепид, и Иродъ (в других списках более правильный вариант в данном месте 'Иродот') и Сократ, великий Пифагория...»⁶.

На мнения этих перечисленных в «Хронике» философов Малала нигде не ссылается, но в одном месте своего сочинения приписывает Куросу, сыну Ангенорову взгляды пифагорейцев. О Куросе, в частности, говорится, что он «муж был мудр, иже списа финическими письмены численную философию, гла(гол)а же и безплотна су-

---

Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1914. Т.90; Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 15-18 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1915. Т.91. №2.

⁴ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 8-16.

⁵ Удальцова З.В. «Хроника» Иоанна Малалы в Киевской Руси // Археографический ежегодник. М., 1965. С. 47.

⁶ Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 6,7 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1912. Т.89. №3.

ща начала, и телеса же применяющаяся, и д(у)ша во ины животы...»⁷. Здесь содержится важное для атрибуции отрывка указание на математические спекуляции, посредством которых передавались пифагорейские воззрения относительно бытия. Соотношения числовой символики с идеальными образованиями и одновременное упоминание о метемпсихозе обнажают ту среду, откуда данные идеи могли быть почерпнуты. Если учесть, что о пифагореизме, ввиду тайного характера этого учения, мы знаем очень мало, то в данном отрывке следует видеть краткое по форме, но емкое по содержанию выражение сути учения Пифагора в том виде, в каком оно достоверно известно. Курос в данном случае осваивает уже готовую философскую концепцию.

В другом пространном перечне наиболее ярких представителей древнегреческой культуры упомянут пифагореец Гиппас (Гипиас): «... бе Иппасий философ Пифагорический, иже круг н(е)б(е)сный изобрете от двоюнадесять животу, ... бе же Искра (в вариантах разночтения приведена более правильная форма «Исократ» – т.е. знаменитый афинский ритор (436-338 гг. до н.э.), сторонник Филиппа II) в то время и Переклис и Фаукидидос, иже списа сечь Пелопонский и Афинейскы... и Ливас капищетворец, и Стисихор, и Вакхулидис, яже изобретоста плясание и творца с преж(де)реченными философа... възиде же по сих и Демостен и Аристефан песнетворець...»⁸.

Набор имен античных мыслителей, приведенный Малалой, обращает на себя внимание тем, что каждый раз обязательно упоминаются либо пифагорейцы либо их взгляды. Видно, что Малала был неплохо осведомлен в данном вопросе. Он имел достаточно ясное представление об основных положениях пифагореизма, которые, видимо, были каким-то образом близки хронисту, и автор при каждом удобном случае включал в текст интересующие его имена и идеи. Это тем более очевидно, что в рассмотренных местах нет даже намека на критику или осуждение философских взглядов пифагореизма. Более того, все перечисленные лица уважительно названы учителями эллинов («ти бо беша еллином учителя»).

Встречаются в «Хронике» Малалы и более пространные, своего рода содержательно-описательные экскурсы в античную философию. Конечно, они весьма скромны в сравнении с окружающими их извлечениями из древних авторов, но вместе с тем они объясняют мировоззренческие ориентации самого Иоанна Малалы а также указывают на содержание его собственной философии истории. Малала объективно являлся для древнерусского читателя информатором об античной культуре.

В IV книге «Хроники» читаем: «В лето же ц(а)-р(с)тва Дариа, с(ы)на Курова, философ же бе в еллинех Анаксимандр, их рече землю сушу в середе всея, твари и с(о)лнце не менее земля суще. Начаток же всему воздуху от него родившюся и всему в оне скомяшюся (вариант: «скончающюся», «не скончавающюся») и ч(е)л(ове)ку (вариант: «человеку») д(у)шу въздувшю и всяк д(у)х гл(агол)аще бабъск смысл прельсти в воде [видимо текст испорчен и следует читать «введе» – авт.], сравняния же дни и кресы си сложи пре(жде) реченный же Пифагора численную хитростию съписа и учения въведе еллином, славя бесплотны суща власти...»⁹

Комментируя этот отрывок, З.В. Удальцова, видимо, не вполне справедливо заподозрила Малалу в некомпетентности, когда высказала предположение, что речь идет об Анаксимене, а не Анаксимандре¹⁰. В действительности именно Анаксимандру принадлежит мысль о серединности земли в схеме мироустройства. Вполне заслуживает доверия и тезис о равных размерах солнечного и земного тел. Видимо, Малала в данном случае хорошо представлял то, о чем он говорил, ибо он даже не упоминает о

⁷ Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 2 // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Т.7. С. 473.

⁸ Там же.

⁹ Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 4 // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1905. Т.8. С. 342-367.

¹⁰ Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии (IV - первая половина VII в.). М., 1984. С. 252.

форме земли, что можно объяснить существовавшим противоречием источников по данному вопросу: по одним версиям Анаксимандр представлял землю в виде цилиндра, по другим – шаровидной.

Как видим, для Малалы отнюдь не характерна слабая осведомленность или незнание материала, в передаче сведений, как можно судить по этим отрывкам, Малала был весьма добросовестным.

Нельзя ни отметить еще один аспект симпатий Малалы в отношении античных мыслителей. В пифагореизме его интересует не столько «численная хитрость» сама по себе, сколько связь этого учения с понятиями о «бесплотных властях», которое через посредство Платона, заимствовавшего у пифагорейцев мысль связи числа с идеями, пришло затем в христианство. Стремление увидеть в древнегреческом идеализме предвосхищение христианского мировоззрения выводит иной раз автора «Хроники» за рамки беспристрастного изложения фактов. Так «еллинск же философ и казитель Платон премудрый» предстает едва ли не апологетом догмата о троичности Бога. Основываясь на диалоге «Тимей» Малала (или его источник) изменяет содержащиеся в нем идеи. Пересказывая основные положения этого произведения, он дает тезисам Платона собственное вольное толкование.

Содержание диалога передано следующим образом: «б(о)ж(е)-ство, рече, трем имены есть, едина же сила б(о)ж(е)ство, рече, суще пръвое добру всему вина и вся милуя, вторая вина ум, сътворивый всяческая, третья вина животворецъ д(у)ша яже оживи вся»¹¹. В приведенном отрывке легко узнается платоновский демиург, который делает реальностью бытие мира и о котором Малала говорит, что «он добру всему вина». Посредством ума, источника идеи, демиург создает мир, поэтому в подлинном смысле творцом, согласно «Хронике», выступает не демиург, но ум («сотворивый всяческая»). В душе «яже оживи вся» довольно отчетливо просматривается платоновский образ мировой души, которая упорядочила стихии, дала начало миру, звездам, душам людским и вообще оживотворила весь созданный демиургом космос.

Эти три исходных причины бытия Малала пытается обратить в три лица единого Бога. Христианизируя платонизм, демиург представлен милующим Богом, а мировая душа соотнесена с духом – одной из ипостасей этого божества. Ничего не говорится и о материи – «восприемнице и кормилице идей». Таким образом, начисто исключается пантеистическая окраска, присущая учению Платона. Но в своем стремлении приспособить Платона к нормам христианской догматики хронист далек от ортодоксальности. В сконструированной им из платоновских понятий Троице все-таки преобладают внешние, сугубо формальные признаки сходства с догматически выверенным идеологами христианства понятием о триипостасности единого Бога. Вопреки итоговому выводу, что Платон «три убо силы едино божество сущей исповеди», триипостасный Бог Малалы остается более философским богом-демиургом и никоим образом не являет себя как личность. Ум в данном отрывке чем-то напоминает Логос Филона, поскольку он выступает в качестве связующего звена между демиургом и создаваемым миром. Но это – еще не личный Бог, не Христос. Никакого намека на двуединую природу второго лица Троицы в предложенной хронистом переделке «Тимея» не содержится. Богослов в нашем авторе так и не возобладал над историографом философии.

Как бы ни были кратки сведения «Хроники» Малалы о содержании взглядов древнегреческих мыслителей, и как бы ни был автор тенденциозен в толковании тех или иных положений античных авторов, он, как показывают рассмотренные выше отрывки, в основном старался придерживаться исторической достоверности. Это в полной мере относится и к описанию Малалой взглядов Демокрита, в котором он искусно сумел избежать сущностной стороны учения основоположника материалистического атомизма. Труды Демокрита намеревался уничтожить уже уважаемый Мала-

¹¹ Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 6,7 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1912. Т.89. №3. С.29.

лой Платон. И все-таки практически все приписанные Малалой Демокриту мысли находят свое соответствие в том, что мы знаем об учении этого философа.

Едва ли не ради доказательства идейной непорочности Демокрита в уста ему вкладываемся сугубо христианское высказывание о боге: «и егда ж начнеши философисяти тогда навикнеши единописьмяное имя и узреши сына божия слова бес- смертного, хотящаго явитись»¹². Греческий мыслитель здесь представлен Малалой в роли пророка, предсказывающего воплощение второго лица Троицы. Причем это не единственный прием «охристианивания» древнегреческих персонажей. Софокл и Гермес у Малалы выступают провозвестниками триединого Бога.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выразителями христианского понимания Бога у Малалы выступают не церковные авторитеты, а выдающиеся представители греческой языческой культуры, включая великого материалиста древности или даже мифологический персонаж. Античное наследие в таких случаях христианизируется и, тем самым, фактически признается его непреходящее значение, полное смысла и высокой ценности для представителя новой христианской культуры. Под притягательной силой обаяния этой культуры осуществлялось творчество создателя древнейшей переводной на Руси «Хроники», что не могло не быть созвучно и православно-языческому синкретизму, в обстановке которого развивалась вся древнерусская идейно-религиозная жизнь. Ощущение целостности исторического процесса в живой преемственности культур, общее человеку Древней Руси и автору «Хроники», оказалось замешанным на глубоком интересе к истории, литературе, легенде, интересе, опять же общем для двух пришедших в соприкосновение между собой древнерусской и греческой культур.

Каким же представляется мировоззрение автора «Хроники», определяющее его отношение к античному наследию, и чем он мог привлекать древнерусского читателя?

Малала, несомненно, христианин. Он попытался создать схему всемирной истории на основе библейской концепции. Однако он изложил ее весьма своеобразно и не так, как принято в более поздней ортодоксальной христианской историографии. В осмыслении движения эпох у него можно обнаружить много общего с киевским митрополитом Иларионом, у которого дохристианский период также не противопоставлен христианскому, но тесно переплетен с ним. Если у Малалы библейские герои соседствуют с мифическими, то у Илариона распространители христианского вероучения Владимир и Ярослав представлены достойными продолжателями славных дел своих языческих предков. У обоих нет неприязни к прошлому. Оно в их восприятии равноценно настоящему и тем оправдано.

Совпадая в историософской части с воззрениями Илариона, «Хроника» Малалы существенно расходится с другой популярной в Древней Руси переводной «Хроникой», автором которой является Амартол. Две хроники отражают два взгляда на античность. Например, Амартол хотя и заимствует у Малалы сведения об античных мифах, тут же разоблачает их, тогда как Малала только частично раскрывает языческую природу мифов¹³. Иоанн Малала более достоверен в передаче реалий античности, которые хотя и подверглись определенной «порче» в процессе переосмысления и переделки, но остались менее искажены тенденциозными рассуждениями и обильными обличениями. Малала ограничивается описательностью, которая не подчинена специальным задачам апологетики христианской идеологии. Как следствие, он более спокойно относится к идейно чужеродным взглядам, а в передаче их смыслового содержания он вполне достоверен (если исключить присущие произведению хронологические и другие несуразности).

Чуждый интересу к философии, как средству рационализации веры, Малала, тем не менее, не отвергает древнегреческую мудрость, бережно относится ко всему

¹² Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 6,7 // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. АН. 1912. Т.89. №3. С.29.

¹³ Шусторович Э.М. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 64.

дохристианскому. Его диалог с античной культурой вырастает на почве двоеверия. На Руси, как и в Византии, в связи с распространением христианства этот диалог осуществлялся в условиях смены мировоззрений. «Хронику» Малалы отличает простота, доходчивость, сказочная привлекательность с большим запасом фактического сопутствующего материала. Со своей устремленностью к сказочной фантастике, извлеченной из древних мифов, со своей необычной простотой и доходчивостью языка, отсутствием догматической авторитарности, а также с близкой по форме к фольклору формой изложения Малала стоял ближе к простонародной, чем к элитарной, догматизированной и интеллектуализированной культуре. Это делало «Хронику» интересной во всех отношениях для древнерусского читателя, только начинавшего осваивать привитое ему вероучение, и потому обладавшего раздвоенным синкретичным сознанием переходной эпохи. Сдобренная «обильной античной приправой» «Хроника» Иоанна Малалы в первую очередь должна была отвечать запросам той среды, где не было изжито язычество. Не случайно именно это произведение в числе первых переводов попало на Русь и оставило по себе добрую память, питая сведениями об античности многие и многие поколения древних русичей. До XVII в. сведения о мифологии и о древнегреческих мыслителях, включаемые в «Азбуковники», восходили главным образом к Малале.

Проясняется вопрос и о месте античного наследия в мировоззрении мыслителей Киевской Руси. Вряд ли древнерусские мыслители располагали подлинными произведениями греческих мудрецов. Знакомство с ними скорее всего осуществлялось через рукописи, содержавшие уже обработанные христианскими писателями рассказы основных положений древнегреческой философии. Во времена Малалы, хотя и оставались доступными оригиналы древнегреческих авторов, христианские писатели в большинстве своем обращались к авторитетным в церкви переработкам дохристианских текстов. Одним из таких памятников и является «Хроника» Малалы, рядом с которой можно поставить «Шестоднев», переводные сочинения Иоанна Дамаскина, а также некоторые апокрифы.

HERITAGE OF ANTIQUITY IN THE OLD RUSSIAN BOOK LEARNING BY EXAMPLE OF SLAVIC TRANSLATION OF «CHRONICLE» BY IOAN MALALA

M. P. SAMOILOVA

*Nizhny Novgorod Linguistic
University
n.a. N.A. Dobrolyubov*

e-mail: marisom@yandex.ru

«Chronicle» of Ioan Malala is researched as the information source of the Old Russian scribes about the culture of the antiquity. The dialog of Ioan Malala with the culture of the antiquity grows on the belief in two different religions. In Rus, as in the Byzantine Empire, this dialog, because of the spread of Christianity, is going on in conditions of world outlook change.

Key words: Ioan Malala, chronicle, antiquity, Old Russian book learning.